

**Образ «Нового Израиля» в «Послании на Угру» Вассиана Рыло и
«Похвальном слове» инока Фомы**

Научный руководитель – Перевезенцев Сергей Вячеславович

Абрамян Арман Суменович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: asabramyan@gmail.com

Образ «Нового Израиля» представляет собой примечательную объяснительную конструкцию, которая может пролить свет на вопрос о христианской методологии восприятия израильской ветхозаветной символики. Зарождаясь на основе проводимых в новозаветных текстах различений «Израиля по плоти» и «Израиля по духу» [6], концепция «Нового Израиля» (или «Духовного Израиля») является важной частью суперсессионистского нарратива, представляющего христианское сообщество верующих наследником в божественном избрании [7].

Под «сообществом верующих» в христианской традиции обычно подразумевается Церковь. Вопрос о Церкви породил множество споров в христианской истории, будь то разница эkkлезиологической модели в греческом православии и римском католицизме и вопрос о различении «видимой» и «невидимой» Церкви. Однако сама связь между тезисом о «сообществе верующих христиан» и тезисом о «Церкви, которую не одолеют врата ада», равно как и представление о Церкви как о ключевом для истории мира сообществе, представляется бесспорной составляющей христианской традиции или христианских традиций.

Однако имеются прецеденты и другого применения образа «Нового Израиля». История христианской социально-политической мысли знает примеры того, как израильские библейские сюжеты начинают обретать не столько эkkлезиологические, сколько политические, государственные черты: в израильском свете предстают политические общности, выбравшие христианство в качестве государственной религии, в результате чего появляется вариант новоизраильского нарратива, рождающийся из прямого взгляда на ветхозаветную политическую общность. Представляется, что социально-политическая постановка вопроса о «Новом Израиле» входит в определённое трение с христианской ортодоксией, насколько можно говорить о ней в условиях христианского разделения и параллельного развития конкурирующих доктрин. Однако соотнесение истории политических сообществ с историей ветхозаветного Израиля находит своё историческое развитие пусть и не как догматическая и вероучительная заявка, но как специфическая модальность христианской социально-политической рефлексии и образности.

История русской религиозно-политической мысли знает яркий и известный пример новоизраильского образа, продемонстрированный в «Послании на Угру» Вассиана Рыло. Рисующий образный ряд русской борьбы против ордынского ига, уподобляющий освободительные начинания ветхозаветной израильской борьбе, епископ Вассиан заключает: «Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит» [4]. Данный фрагмент показывает противоречивый характер социально-

политического понимания Нового Израиля: будучи церковным иерархом Православной Церкви, епископ Вассиан ставит характерный для «замещающего» богословия знак равенства между «Новым Израилем» и «христианскими людьми», однако при этом лидер «нового Израиля» - не церковная, а политическая великокняжеская фигура Ивана III. Образы Вассиана Рыло предполагают определённую конвергенцию: постановка вопроса о Новом Израиле через призму тезиса о «замещении» не приводит у него к чисто экклезиологическому пониманию образа и отрицанию политического аспекта ветхозаветного Израиля. «Новые израильтяне» живут в стране, ведущей борьбу, подобную борьбе ветхого Израиля, и её правитель, таким образом, предстаёт образным «аналогом» предводителей ветхозаветных избранников.

Зарождаясь в попытке осмыслить опыт противостояния игу и складывания общерусской государственности с центром в Москве, новоизраильская образность затем вплетается в общерусский смысловой ряд [3]. Складывание Русского царства как централизованного государства, при этом независимого православного государства, окружённого иноверными или инославными общностями, способствует дальнейшему развитию мессианских сюжетов, самым известным из которых становится филофеев «третий Рим» [5].

Однако примечательно, что Москва не является единственным в истории русской религиозно-политической мысли носителем «новоизраильского статуса». «Смиренного инока Фомы Слово похвальное», тверской документ середины XV века, уподобляет тверского князя Бориса Александровича Моисею, «пасущему и устрояющему новый Израиль», которым, в свою очередь, назван «Богом спасаемый град Тверь». Более того, израильская образность используется иноком Фомой не только параллельно с Москвой, но периодически и в прямо антимосковском ключе: так, победа Бориса Александровича над московскими войсками уподоблена библейской битве Авраама у Дамаска [2].

Подобное позиционирование Твери представляется закономерным в свете статуса города как значимого претендента на доминирование в русском политическом пространстве. При этом закономерен антимосковский посыл тверских авторов и в религиозно-политическом смысле: одной из важнейших фигур тверской истории является канонизированный в лике благоверных князь Михаил Ярославич, погибший в Орде в результате событий, вызванных его соперничеством с Москвой [1]. Однако самой примечательной деталью здесь является не столько характер взаимных претензий, сколько судьба религиозно-политической образности, просматривающаяся в том числе через призму конфликта. Русская религиозно-политическая мысль параллельно являет примеры «новоизраильской» образности и позиционирования в центрах, противостоящих друг другу; образ выходит за пределы московской историософии. Дискуссионным представляется вопрос о том, в какой мере новоизраильские сюжеты остаются художественными образами, а в какой становятся провозвестниками религиозно-политических доктрин, равно как и вопрос о конечном влиянии этих образов и доктрин на интеллектуальную и политическую жизнь уже объединённой страны. Однако само их наличие в исторических документах ещё конкурирующих за первенство княжеств представляется примечательным в смысле понимания общих закономерностей и тенденций религиозно-политической рефлексии у авторов той эпохи.

Источники и литература

- 1) Житие Михаила Ярославича Тверского // БЛДР / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 6: XIV - середина XV века. — С. 68-91.

- 2) Инок Фомы слово похвальное // БЛДР / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. — С. 72-131.
- 3) Перевезенцев С. В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X-XVII вв. в их историческом развитии. Монография / С. В. Перевезенцев. — М.: Вече, 2019 — С. 342.
- 4) Послание на Угрю Вассиана Рыло // БЛДР / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. — С. 386-399.
- 5) Послания старца Филофея // БЛДР / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2000. — Т. 9: Конец XIV - первая половина XVI века. — С. 290-305.
- 6) Рим.2:29.
- 7) Суперсессионизм // Мак-Ким Д. К. Вестминстерский словарь теологических терминов. — М.: Республика, 2004. — С. 391.